

Александр КАЗАНЦЕВ

ЛОСКУТЫ ЖИЗНИ

— Дети, тятя вернулся!

Радостный, нет, заполошно-счастливый крик матери поднял на ночь глядя уже спящих на глинобитной печи в землянке шестилетнюю Фросю, сестрёнку её младшую и двух старших братьев.

Тятя? Нет, Фрося отца не забыла ещё, хотя он в «казённом доме», который тюрьмой зовётся, в Бийске-городе, забрали его незадолго до высылки с Алтая обезглавленной семьи Полковниковых, не простили, что в колхоз идти отказался, а ведь не кулак был, без батраков семья пупы надрывала, две лошади имея, две коровы, сеялку да веялку. Всё это, как отца за решётку сунули, колхоз забрал. Вскоре, помнит Фрося, утром подъехала к избе телега: «Грузите самое нужное да поскорей! Ссылаем вас на север, комаров кормить!..» Заметалась мать, узлы, ухват, чугульки да сковородник поднося, хорошо, что сосед подсказал колыванку с солью взять, это из глины обожжённой посуда такая ведёрная: без соли на высылке и вовсе бы солоно пришлось!.. Из дороги дальней Фросе мало что запомнилось, только что плохо было, тесно, воняло до тошноты, и всё равно голод донимал... Вот страх — запомнился. Не перед будущим страх: его малолетка не осознавала ещё. А страх, что баржа, по Оби уйму ссыльных везущая, утонет. А ведь и впрямь не утонули чуть: кто-то отчаянный или злоумышленный в барже дно где-то возле Нарыма прорубил, вода хлынула, мать лишь двоих сестрёнок на руки подхватить смогла, кабы не мель там оказалась, ушла бы с концом в реку баржа... В Дергачах, возле Каргаска, высадили ссыльных. Дальше пешком, по лугам сперва, потом через невиданную тайгу, там, в глуши, и выделяли конвоиры партиям ссыльных место на обустройство. А обустраивайтесь, как хотите, как сумеете в глушине этакой, тут вам жить теперь... Мать с сыновьями землянку и вырыла, в глине речного яра, печку сладили, благо, что дров в тайге искать не надо — братья валили лесины, пилили, кололи... С похолоданием только печка спасением и была... Вот в начале зимы и пришёл отец, из бийской тюрьмы отпущенный. Как потом выяснилось, до Томска поездом доехал, а уж оттуда до Каргаска пешком шёл наугад, будто сердце вело, там и узнал, куда алтайских ссыльных определили, дальше шёл через новые горемычные поселения, в каждую дверь, наскоро сколоченную, стучась, выпрашивая... Так и добрался...

Тятя?.. Смотрит Фрося: старик бородачицей заросший, на голове лохмы до плеч, в рамках весь...

— Не тятя это! Дед чужой!.. — так и крикнула, на печку прячась.

Только утром, когда отец побрился уже, волосы состриг, узнала:

— Тятя!..

Ефросинья Егоровна Полковникова некоторые события тридцать первого года вспоминает, будто это недавно совсем было. Ей уже семьдесят пятый годок тикает. Встретился я с ней в Мыльджине, куда по командировке «Востокгазпрома» приехал. Промысловики промысловиками, а со старожилами тоже поговорить надо: как они бурные изменения, произошедшие на их земле за самые последние годы, расценивают?.. А кто же больший старожил, чем Егоровна, она, говорят, колышки при разметке первого мыльджинского барака вбивала...

К дому её подошел — она в палисаднике с серпом возится.

— Поговорить?.. А чо не поговорить-то? Отдохну заодно...

Во дворе дорожка цементная, чисто, на штакетнике половики круглые висят, весёлые, пёстрые, из длинных лоскутов Егоровной вязанные.

— Где говорить-то будем? Можно в избе, только душно там, парит-то нонче как!.. В сенцах давай, всё свежей...

В чистых сенях прохладная тень, паутами надоедливими простреливаемая.

— Про первый колышек спрашиваешь?.. Так кто его, первый, вбивал? Нас на разметке много девчонок было: Мария Сергачова, Сима Шарыпова, Саша Лукина... Кто бечёвку натягивал, кто вбивал...

Ну, в сорок третьем это было... Нам лет по пятнадцать-семнадцать...

Теперь уж никого нет, одна я...

Я-то Мыльджино старинным селом считал, а оказалось из разговора с Егоровной, что ему и шестидесяти нет: это в стороне, у одноимённой речки, стоял когда-то остяцкий посёлок Мыльджинка, по фамилии неведомого аборигена названный, вот тому лет двести восемьдесят...

Ну а рассказывает Ефросинья Егоровна — как половики из разноцветных лоскутов длинных плетёт. Речь её народна, но чиста, без всяких просторечий заковыристых:

— Ссылка, да... Хлебнули! И холодали и голодали. Хлеб с опилками, с грибами ели, болтушку... Хоть край богатый был, не в пример нынешним временам: рыбу подолом ловить можно было! А кедрач какой!.. Взрослые на лесозаготовке были, ну и строились помаленьку, сообща, друг дружке помогая. Другую зиму мы уже в избе жили. С нашего поселения и нынешняя Соновка пошла...

Егоровне больше о былом, давнем рассказать хочется: уйдёт она — кто узнает-то?!

Маленькая, сухонькая, но жилистая старуха с живыми, хоть и выцветшими глазами. Загорелая до смуглоты, в кофточке легкой, простенькой, на голове косынка повязана, для работы в штаны спортивные внуковы облачена, с белыми

«лампасами», тапочки ярко-оранжевые на босых ногах.

— Подросла малость, в работу пошла: ружболванку заготавливала, лыж-болванку, спич-осину... Ну, на строительстве потом, это в Мыльджине уже... Тут уж я одна, без родителей была... Горького много было — чо вспоминать? А и смеялись много — молодые... Иногда смех сквозь слёзы...

Рассказала Егоровна, как справлял молодняк работу какую-то у реки Нюрольки. С конём. Заготовки вывозили, что ли. Ну и конь выпрыгнул как-то да с крутояра в воду рухнул. А его Шахраем звали, коня, так же как мужика-конюха, когда-то его выхोдившего, а потом на жительство в другое село перебравшегося. Ну, переполох! Девчонки визжат. А парень один — Ющенко, недотёпа косорукий. Багром коня вылавливал, да по голове наконечником железным угодил. Утоп Шахрай...

Жуть всех взяла: что теперь будет?! Тут старшие мимоездом оказались. Помогли коня выловить, ободрали. Не пропадать же добру — решили в село везти да варить на всех. Махан, короче! Столы на крутояре содвинули. Кто-то ради этого и спирта раздобыл. Готово всё сельцо гулять, тревогу глуша...

Только по тарелкам и стаканам разлили — обласок по Нюрольке плывёт. Это начальник участка, грозный Тарасюк прибыл!..

Ну, никто ему ничего не говорит, не объясняет. А тот подумал — дося кто завалил, вот и праздник. Лыбится сидит, довольный. А этот парень-то, Ющенко, поднимается, тост говорит:

- Царство небесное Шахраю!
- Тарасюк сразу улыбку смял, опечалился:
- Что, Вася Шахрай помер?!
- Нет Шахрая больше, помер, утоп...

Только после второго стакана понял Тарасюк, какой Шахрай поминается...

Чуть не засадили Ющенко... По тем временам и другие сесть могли. Не зря ведь вспомнила бабушка Фрося не какую-нибудь песню — а старинную, остяцкую, каталажную:

*Самовар, самовар,
Золотая ножка!..
Сёдни дома ночевал -
Завтра — каталажка!..*

Смеётся Егоровна мелко озорно. Глаза под очками живо поблёскивают. А уж не слёзы ли там?..

А работа Ефросиньи Егоровны всегда с лесом связана была — поммастера по лесозаготовкам, мастер. Худо, что лесной промысел в Мыльджине на бок лёг... Девятерых детей родила, двух, правда, похоронила: дочь на двенадцатом году, сына на сорок первом. Муж тоже долго не пожил... Ну так дети и здесь, в Мыльджине живут, большинство, сын один в Томске и дочь в Каргаске...

Одну внучку я увидел. Красавица! Лет пятнадцати. Она с почты бандероль принесла — выписанные гладиолусы больше месяца шли. Бабушка

сокрушалась: «Чо ж так долго ждать пришлось!..» А мне почему-то подумалось: «А сколько же шёл пешком Егор Полковников, семью на неведомом севере разыскивая?». А ещё подумал, что с приходом «Востокгазпрома» на эту землю и с почтой всё должно наладиться, уж больно основательные перемены в короткий срок произошли: похорошело село, новые здания кирпичные появились, во дворах цементные дорожки, магазинов прибавилось, и некоторые по интерьеру и ассортименту городским не уступают, полная газификация села намечается... Вот и спросил старуху, как она к газовикам относится.

— А чо? Хозяева. По уму всё делают. Людям стало где работать. А то ведь было — хоть волком вой... Да у меня сын в этом «Газпроме»!.. Улицы счас чистые — в магазин в этих же тапочках иду. Куды с добром!.. Люди работают — пить меньше стали. Мы тоже в праздники с радостью выпивали — бражку всегда ставила, лагун пляшет аж вприпрыжку!.. Соберёмся, поговорим, попоём, повспоминаем... Это не как позже стало: за угол и — «буль-буль»!.. Глядишь, жизнь и наладится...

Прощаясь, спросил Егоровну, что в палисаднике с серпом делала.

— А по хозяйству всегда работа найдётся!.. Одной картошки четырнадцать соток у меня... А в палисаднике сорняки резала. Сорняк долой, а цветы пусть стоят красуются!..

Пусть...

Рисунок Е.Некрыловой.